

Когда А-Эр вернулся домой, Джин тоже только переступил порог. Он как раз снимал свое тяжелое черное пальто, собираясь повесить его на вешалку, когда обернулся и замер: перед ним стояло взъерошенное недоразумение — с ног до головы перепачканное кровью и грязью.

На лице Джина на миг отразилось такое выражение, словно его домашний бигль вернулся с прогулки, извалявшись в самой зловонной жиже, и теперь радостно мчался обниматься. Степень брезгливости в этом взгляде просто не поддавалась описанию.

В секунду сообразив, где именно носило А-Эра, Джин криво усмехнулся и процедил, что некоторым сегодня явно нечем заняться.

А-Эр валился от усталости. Игнорируя шпильки сожителя, он нацелился было на мягкий диван, мечтая просто рухнуть на него пластом. Но Джин железной хваткой вцепился ему в шкуру и без лишних церемоний поволок в сторону ванной.

Пусть это убежище и было временным, Джин физически не мог вынести зрелища того, как это грязное существо оскверняет мебель.

А как же раны на теле? Да плевать. С регенерацией А-Эра от теплой воды он не растает, а если и загнется — туда ему и дорога. Меньше проблем.

И все же, когда А-Эр, пошатываясь, выполз из ванной, Джин с непроницаемо-холодным лицом уже ждал его с аптечкой. Он молча, резкими, но на удивление точными движениями обработал и перевязал раны, а затем сунул ему под нос горсть таблеток.

А-Эр наблюдал за ним, слегка приоткрыв рот от удивления. Откуда у безжалостного убийцы такие поразительные навыки первой помощи? Неужели Джину и раньше приходилось кого-то так выхаживать?

Сам А-Эр тоже умел заботиться о других — всего несколько часов назад он виртуозно латал раненых, успокаивал перепуганных бедолаг и возился с детьми. Вот только на самого себя у него никогда не хватало ни сил, ни ума.

А вот Джин на удивление ловко латал именно его. Спокойно, буднично, словно занимался этим изо дня в день.

Покончив с бинтами, Джин вернулся к своему привычному ритуалу — чистке оружия и чтению. А-Эру было скучно, и он лениво скользнул взглядом по обложке потрепанного тома, лежавшего на столе. На ней значилось: «Сборник мифов Древней Греции».

Страницы были зачитаны до дыр, а уголки обложки загнулись от частого использования. Меньше всего на свете Джин ассоциировался с любителем античной литературы.

Заметив этот любопытствующий взгляд, Джин сперва хотел проигнорировать его, но затем на его губах заиграла тонкая, полная яда усмешка. Он перевернул страницу и глухим, ровным голосом спросил:

— Скажи мне, Икарос... Твои крылья тоже когда-нибудь растают, а сам ты камнем рухнешь в море?

— Вообще-то ты меня только что сам в воду и засунул, — моментально огрызнулся А-Эр.

Вспомнив, как бесцеремонно его только что топили в ванне, поливая из душа, словно шелудивого пса, А-Эру до зуда в кулаках захотелось показать этому ублюдку средний палец.

Джин просто физически не мог прожить и дня, не докопавшись до него. Это уже походило на манию.

Довольный реакцией, Джин негромко фыркнул и снова уткнулся в книгу, явно пребывая в прекрасном расположении духа.

Тщетные попытки отыскать хоть какие-то зацепки о местонахождении Аюми Ёсиды заставили А-Эра пойти на крайние меры. Он тайно связался с Вермут, умоляя её разузнать подробности по своим каналам. Результат превзошел все ожидания: ответ пришел уже через пару дней.

Девочку держали в одном из секретных лабораторных комплексов Черной организации. Там, где проводились эксперименты на людях.

А-Эр почувствовал, как внутри все холодеет. Лицо его потемнело от ярости.

— Какого черта? — процедил он в трубку. — Я думал, эти лаборатории давно прикрыли!

— Раньше действительно закрыли, но недавно проект реанимировали, — донесся из динамика приглушенный голос Вермут. Связь была скверной, звук то и дело шел помехами, а ее слова тонули в тихом шипении статики.

— Собираетесь туда сунуться?

— Разумеется.

— Я скину тебе координаты, — в ее тоне проскользнуло странное смешение раздражения, холодной усталости и... едва уловимого, почти мстительного злорадства. Последняя интонация

прозвучала так неестественно весело, что А-Эру на миг показалось, будто у него начались слуховые галлюцинации. — Но дальше выпутывайся сам. Я умываю руки.

— Того, что ты дала мне адрес, уже более чем достаточно. Спасибо, — ответил он.

А-Эр прекрасно понимал её нежелание лезть в это пекло. Скорее всего, после этого разговора Вермут надолго заляжет на дно и оборвет все контакты.

Опыты на живых людях были самой грязной и охраняемой тайной Организации. А-Эр вообще узнал об их существовании лишь потому, что его подчиненная Эла когда-то числилась в списках подопытных «второго эшелона». Ей крупно повезло: проект заморозили за считанные дни до того, как её должны были привязать к операционному столу. Позже, благодаря мертвой хватке и упорству, девчонка сумела закрепиться в тыловой службе снабжения.

Первой мыслью А-Эра было связаться с Реем Фуруей, но тот буквально вчера отбыл на долгосрочное задание со строжайшим режимом радиомолчания. Отрезанный от поддержки, А-Эр мог рассчитывать только на себя. Он в одиночку отправился по указанному Вермут адресу.

Секретный бункер располагался глубоко под руинами заброшенного завода на окраине города. Не будь у него точных координат, обыскать этот район было бы все равно что искать иголку в стоге сена.

Найти лаз оказалось полделом, пробраться внутрь — вот где начинались настоящие трудности. Снаружи все выглядело на удивление запущенным: ни колючей проволоки, ни патрулей, лишь пара полуслепых аналоговых камер на углах, чтобы не привлекать лишнего внимания к объекту. Но под землей наверняка развернули целый улей с круглосуточной охраной и многоуровневой пропускной системой.

А-Эру пришлось изрядно попотеть и проявить чудеса изобретательности, прежде чем ему удалось просочиться через внешние шлюзы.

****[Активен навык: Скрытие присутствия]****

Бесшумной тенью проскальзывая мимо увлеченных спорами лаборантов, А-Эр шаг за шагом углублялся в коридоры бункера, ориентируясь по маршруту патрулей. Вскоре он вышел к блоку содержания подопытных.

За толстыми зеркальными стеклами тянулся ряд одинаковых белоснежных боксов. Люди внутри сидели неподвижно, словно живые мертвецы — с серыми, высушенными горем лицами и пустыми глазами. На этом фоне маленькая Аюми Ёсида выглядела чужеродно: заплаканная, дрожащая от страха, но сохранившая в глубине зрачков упрямый, живой огонек надежды.

Дождавшись, когда один из ведущих исследователей — судя по дороговому халату и спесивой

осанке — отделился от группы и остался один в коридоре, А-Эр мгновенно атаковал из тени. Он заломил ему руку, прижав холодную сталь лезвия к пояснице.

— Открывай бокс С-13, — выдохнул он на ухо перепуганному мужчине. — И без глупостей.

Лаборант послушно, стуча зубами от ужаса, приложил карту к сканеру. Едва тяжелая дверь скользнула в пазы, А-Эр впихнул заложника внутрь. Магнитный замок за их спинами глухо щелкнул, отрезая путь назад.

Заметив, как вскинула голову вжавшаяся в угол девочка, А-Эр негромко позвал:

— Аюми! Ты помнишь меня? Я пришел за тобой, мы уходим. Быстрее сюда!

Девочка во все глаза уставилась на него. Лицо этого человека — яркое, неправдоподобно красивое — врезалось ей в память с первой же их мимолетной встречи. И хотя они виделись всего раз в жизни, в этом кошмарном подземелье он казался ей родным. Услышав, что он пришел спасти её, Аюми едва не разрыдалась от облегчения. Но, собрав в кулак всю свою детскую волю, она заглотнула слезы, отчаянно закивала и бросилась к своему спасителю.

Из соседних боксов, разделенных тонкими решетками, тут же донеслись отчаянные, хриплые голоса:

— Я тоже хочу выбраться!..

— Заберите меня отсюда!

— Пожалуйста, вытащите нас!

А-Эр на мгновение замешкался. Заложник мгновенно уловил эту секундную заминку и попытался вырваться, рванув к панели управления дверью.

Куда там. Изнеженный кабинетный ученый против парня с запредельными физическими характеристиками был как младенец.

В пол-оборота А-Эр перехватил его запястья, резко заломил их за спину и прижал к стене.

— А-а-а, больно! Больно! Прекрати! — заверещал тот, извиваясь. — Прости, я больше не буду!

Пытаясь вывернуть шею, лаборант глянул на своего захватчика — и вдруг замер. Страх на его лице сменился абсолютным, диким изумлением.

А-Эр недоуменно прищурился.

Обычно люди при взгляде на него впадали в ступор от восхищения. Но этот тип смотрел иначе. В его расширенных зрачках читалось узнавание. Ошеломление.

Скользнув взглядом по пластиковой карточке на груди мужчины, А-Эр зачитал имя:

— Доктор Ивасита, верно? Рекомендую вам сотрудничать со мной. Иначе мне придется прибегнуть к мерам, которые вам очень не понравятся.

А-Эр слегка нажал на суставы. Еще миллиметр — и кости бы хрустнули. Но Ивасита даже не пискнул. Он смотрел на него остекленевшим взглядом и тихо, как в бреду, шептал:

— Номер... Номер 2222...

Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие, но расслаживаться времени не было. Если охрана заметит неладное, они окажутся в ловушке.

— Я могу открыть замки. Вы пойдете со мной, но защищать вас я не стану — у меня на руках ребенок. Решайте сами. Нас толпа, шума будет много, и на выходе вас, скорее всего, встретит огонь на поражение. Подумайте дважды.

Он понимал, что это жестоко. Но у него не было выбора. Пытаться спасти всех — верный способ погубить девчонку. К тому же этот мир крутился вокруг Аюми. Она была единственным настоящим якорем реальности в этом странном, затянувшемся сновидении. Остальные узники — лишь фантомы, порожденные его разумом.

Слова А-Эра действовали как холодный душ. Пыл большинства угас, на лицах проступил липкий страх перед пулями. Но несколько человек лишь упрямо сжали челюсти — они готовы были рискнуть всем ради призрачного шанса на свободу.

Выламывающая суставы боль наконец вернула Иваситу к реальности. Доктор послушно нажал кнопку разблокировки замков. А-Эр не стал отпускать его — живой щит из высокопоставленного сотрудника еще мог пригодиться. Крепко сжав ладонь Аюми, он коротко скомандовал: «Бежим!» — и рванул вперед по коридору.

Скрыть такую ораву его системный навык не мог. А-Эр сознательно отключил маскировку. Пусть все прожекторы и стволы будут направлены на него — так у маленькой Аюми появится шанс проскочить незамеченной.

В тяжелом, свистящем полумраке коридоров Ивасита, которого А-Эр волок за собой словно безвольный манекен, хрипло выдавил:

— Ты...

— Что?

— Нет, ничего...

Странный тип. Впрочем, разгадывать чужие ментальные загадки сейчас времени не было.

Нарушителей засекли почти сразу. Впереди взвыла сирена, из-за поворота высыпал отряд охраны с шокерами и травматическим оружием. Толпа беглецов в панике брызнула в разные стороны. А-Эр среагировал мгновенно — рванул Иваситу на себя, закрываясь им как щитом.

Маневр сработал. Охранники замерли, целясь, но не решаясь стрелять: авторитет доктора Иваситы в этих стенах явно был велик. Однако командир патруля быстро прижал к уху рацию. Даже сквозь шум сирены и крики А-Эр уловил донесшийся из динамика ледяной приказ: «Ликвидировать всех. Побег недопустим. Доктором Иваситой пренебречь».

Черт! А-Эр с силой толкнул Иваситу прямо на командира охраны. Пока они валились на пол, он подхватил Аюми на руки и припустил по ответвлениям коридора, не оборачиваясь.

Этот подземный комплекс напоминал гигантский крысиный лабиринт. А-Эр петлял, путая следы, уворачивался от слепых зон камер наблюдения, замирая в нишах стен всякий раз, когда поблизости слышался топот тяжелых армейских ботинок.

Но Аюми была всего лишь семилетней девочкой. Какими бы захватывающими ни были её приключения в составе «Детских детективов», несколько дней голода, дикого страха и этот сумасшедший спринт по бетонным коридорам истощили её крошечные силы. Малышка едва волочила ноги, спотыкаясь на каждом шагу. То, что она до сих пор не зарыдала и продолжала бежать, держась за него мертвой хваткой, было чудом её храбрости. Она просто не хотела стать для него обузой.

А-Эр пришел за ней, чтобы спасти, а не загнать до смерти. Поняв, что девочка вот-вот падет в обморок, он притормозил и принялся оглядываться в поисках укрытия.

Бежать с ней на руках было слишком опасно — случись внезапное столкновение, он просто не успеет выставить блок или вытащить оружие. Рисковать её хрупкой жизнью он не имел права.

Они забрались в какое-то совсем глухое крыло. Тишина здесь казалась зловещей, но Аюми уже тихонько скулила от изнеможения. Вдруг взгляд А-Эра зацепился за металлическую табличку на одной из дверей: «Доктор Ивасита».

Не раздумывая ни секунды, он сунул руку в карман и выудил связку ключей, которую незаметно стянул у доктора во время потасовки.

«Надо же, а у этой дурацкой игры всё-таки есть зачатки милосердия», — хмыкнул он про себя.

Провернув ключ, он скользнул внутрь. Кабинет был пуст. А-Эр усадил изможденную девочку в темный угол за шкафом, а сам принялся к дверной щели, вслушиваясь в звуки коридора.

Ждать пришлось недолго. Снаружи раздался частый, тяжелый топот кованых подошв. А-Эр подобрался всем телом, вжавшись в косяк. Сквозь тонкую сталь двери долетели обрывки фраз:

— Кажется, они свернули сюда! Обыскать каждый угол! Быстро! Это тупиковая ветка, им просто некуда больше деться!

Судя по звукам, к кабинету приближалось не меньше шести человек. Остаться внутри — значит добровольно загнать себя в капкан. Рано или поздно они дернут ручку этой двери.

— Аюми, — он обернулся к застывшей от ужаса девочке и мягко, успокаивающе улыбнулся. — Посидишь тут тихонечко? Я сейчас вернусь.

Девочка едва дышала от страха. Она отчаянно закрутила головой, вцепившись в него умоляющим взглядом. Ей казалось, что если она отпустит его сейчас, то больше никогда не увидит.

— Всё будет хорошо, обещаю. Сделай для меня кое-что, ладно?

Малышка вопросительно моргнула, сглатывая слезы.

— Зажмурься как можно сильнее, зажми уши ладошками и медленно сосчитай до шестидесяти. Сможешь?

Не дожидаясь ответа, он мягко убрал её ручки от своего рукава, повернулся и выскользнул в коридор, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Аюми послушно прижала ладони к ушам. В темноте закрытых век зазвучал её собственный дрожащий голосок:

«Шестьдесят, пятьдесят девять, пятьдесят восемь...»

Голова кружилась, колени подгибались от слабости. Раньше, когда они сталкивались с преступниками вместе с «Детскими детективами», ей никогда не было так одиноко и страшно. Рядом всегда были Конан, Мицухико, Гэнта. Даже когда её похищали одну, она знала — друзья найдут её, чего бы это ни стоило.

Но этот раз был другим. Это жуткое, холодное место никак не укладывалось в рамки привычного ей мира. Здесь пахло смертью. Она видела, как людей уводили под руки, а возвращали хрипящими, бьющимися в судорогах овощами. Некоторые не возвращались вовсе. И пусть её саму до сих пор не тронули, каждую ночь она проводила без сна, забившись под жесткое больничное одеяло и давясь беззвучными слезами.

«Сорок девять, сорок восемь, сорок семь...»

Все произошло слишком быстро. Ещё вчера они шумно обсуждали очередное раскрытое Конаном дело, пили сок и смеялись. А в следующее мгновение она очнулась в этих белых стенах. Но страшнее всего было то, что она случайно услышала от лаборантов: это место существовало много лет назад. Ещё до того, как она вообще появилась на свет.

Неужели её прошлая жизнь была сном? Но почему тогда она не может проснуться? А что, если всё наоборот? Что, если реальность — это холодный кафель лаборатории, а счастливые дни в начальной школе Тэйтан — лишь плод воображения замученного ребенка, отчаянно пытающегося спрятаться от ужаса в выдуманной сказке?

От этих мыслей детское сознание трещало по швам. Рушилось всё, во что она верила. Она начала сомневаться в собственном рассудке.

«Тридцать шесть, тридцать пять, тридцать четыре...»

Появление А-Эра — сияющего, ослепительно белого — вернуло ей почву под ногами. Одним своим присутствием он доказывал: её воспоминания не ложь. Там, снаружи, действительно есть солнце, друзья и нормальная жизнь. От этой мысли слезы снова хлынули из глаз, но теперь это были слезы благодарности.

«Двадцать восемь, двадцать семь...»

И вот его снова нет рядом. Она опять одна в этой глухой темноте. Вернется ли он? Вдруг он решил бросить её? Ведь без нее, слабой и беспомощной, он бы проскользнул мимо любой охраны в два счета. Это она обуза. Из-за неё он подставляется под пули.

«Нет! Хватит!» — мысленно прикрикнула на себя девочка.

Она больше не станет сомневаться. Её друзья настоящие. Её жизнь настоящая. Она обязана вернуться к ним, чего бы ей это ни стоило. Больше никакого страха. Никакого бегства.

«Восемь, семь, шесть, пять...»

Аюми сердито размазала кулачками слезы по щекам. Она крепче зажала уши, изо всех сил стараясь сдержать обещание, данное А-Эру.

Едва в её мыслях прозвучало долгожданное «ноль», замок тихо щелкнул, и дверь отворилась. Вместе со сквозняком в комнату ворвался густой, сладковато-металлический запах свежей крови. Вздвогнув, Аюми распахнула глаза.

На пороге стоял А-Эр. Его алые глаза ярко горели на бледном лице, затмевая стерильную белизну лаборатории. Он проскользнул внутрь и мгновенно захлопнул дверь, не позволив девочке бросить даже мимолетный взгляд на то, что осталось лежать в коридоре.

Присев перед ней на корточки, он заговорщически подмигнул и заговорил вкрадчивым, бархатным голосом, в котором сквозило легкое актерское притворство:

— Добрый день. Я тут ищу одну заблудившуюся Алису... Скажите, юная леди, это случайно не вы?

Аюми растерянно моргнула — эта шутливая манера общения в такой момент казалась нелепой, но она сработала. Липкий страх, сжимавший горло мертвой хваткой, наконец отступил, уступив место слабому вздоху облегчения.

Но тут её взгляд упал на его лицо — и сердце снова пропустило удар. На кончиках его платиновых, почти белых волос багровели свежие, тягучие капли крови.

Аюми сжалась, чувствуя, как внутри всё заledenело от страшной догадки. Но она упрямо прикусила губу и, глядя прямо в эти тревожные красные брызги, отчетливо произнесла:

— Я... я выполнила обещание. Ровно одна минута.

Её чистые, ярко-синие глаза встретились с его взглядом без тени прежней слабости.

А-Эр удивленно приподнял брови, а затем тихо, искренне рассмеялся:

— Что ж, честный уговор дороже денег. Какую награду ты хочешь за свою храбрость?

Он картинно развел руки в стороны, словно чаши весов. На одной чаше лежало выполненное ею условие, на другую она могла положить любое свое желание. А-Эру, казалось, было совершенно всё равно, что именно она выберет — потребуй она немедленно вытащить её отсюда любой ценой, он бы лишь ласково кивнул.

Кем он был для нее? Спасителем-ангелом или искушителем-демоном?

Как бы то ни было, Аюми сделала свой выбор:

— Я... больше не хочу прятаться. Не хочу закрывать глаза и зажимать уши. Пожалуйста, позволь мне всё видеть.

На мгновение на лице А-Эра проступило искреннее изумление. Но оно быстро сменилось мягкой, одобряющей улыбкой.

— Конечно, — кивнул он.

Немного подумав, он снова приоткрыл дверь, скользнул наружу и вернулся через секунду, держа в руке увесистый тяжелый шокер, отобранный у кого-то из охранников. Он бережно вложил его в ладонки девочки.

Изначально он хотел принести ей пистолет, но быстро отбросил эту мысль. Аюми выросла в мирное время. Столкнувшись лицом к лицу с врагом, ребенок просто не сможет выстрелить на поражение, а колебания в бою смертельно опасны. Электрошокер был идеальным компромиссом — простое, интуитивно понятное оружие самообороны.

К тому же, это была страховка на крайний случай. Если судьба разлучит их во время побега, у нее должен быть хоть какой-то шанс постоять за себя.

Пока Аюми переводила дух в углу, А-Эр принялся быстро обыскивать кабинет Иваситы.

Его внимание привлекла тускло мерцающая консоль в углу. На одном из мониторов крутилась живая трансляция из какой-то глубокой лаборатории.

Из чистого любопытства А-Эр подошел поближе и присмотрелся к экрану.

Внутри исполинского стеклянного цилиндра, заполненного мутноватым флуоресцентным раствором, покоилось обнаженное человеческое тело. Глаза незнакомца были плотно закрыты, а густые черные волосы плавно колыхались в такт циркуляции питательной жидкости, словно водоросли в толще воды.

«Неужели это...»

Пытаясь подойти поближе к терминалу, А-Эр неловко задел локтем стопку бумаг на краю стола. С глухим стуком на пол шмякнулась увесистая тетрадь в кожаном переплете.

[Получен предмет: Чей-то дневник]

«Серьезно? Мы что, в классической ролевой игре, где в пустых комнатах обязательно валяются сюжетные дневники? — мысленно съязвил А-Эр. — Дальше мне что, ломать кувшины и обыскивать тумбочки в поисках золотых монет?»

Поворчав для проформы, он все же поднял тетрадь и раскрыл её. Любопытство пересилило.

Первые страницы были забиты сухими, нечитаемыми таблицами, формулами и графиками. А-Эр лениво пролистал эту скуку, добравшись почти до самой середины. Там характер записей резко изменился: сухой лаконичный язык уступил место сумбурным личным заметкам.

1 августа

Номер 2222 сегодня ведет себя на удивление тихо. Ни криков, ни слез, как во время забора крови, так и при хирургических манипуляциях.

Он здесь уже почти полгода. Большинство подопытных в его возрасте ломаются в первую неделю — умоляют о пощаде, зовут родителей. Он же перенес несколько состояний клинической смерти без единого всхлипа.

Сначала мы решили, что у него врожденная анестезия. Но тесты показали обратное: его болевой порог даже ниже среднего, рецепторы сверхчувствительны. Каким образом он ухитряется сохранять это ледяное, безразличное выражение лица при таких перегрузках — загадка.

2 августа

К нему снова приходил старший брат.

Полная противоположность Номеру 2222, у которого нет ни капли таланта к выживанию. Даже мы, запертые в стенах лаборатории, наслышаны о нем. Самый перспективный молодой ликвидатор, выращенный Организацией. Прирожденный жнец смерти. Говорят, он без колебаний ликвидировал собственного напарника, с которым делил кусок хлеба с самого детства. Вероятно, он станет самым молодым обладателем кодового имени в истории Организации.

И все же, этот безжалостный убийца отчаянно цепляется за своего никчемного младшего брата. Каждую свободную минуту он проводит здесь, у его палаты.

Неужели у профессиональных палачей тоже бывает родственная привязанность?

Из чистого научного интереса я наблюдал за их свиданием через зеркало Гезелла. Лицо старшего оставалось маской холодного безразличия. В его глазах, когда он смотрел на распятого на операционном столе брата, не дрогнул ни один мускул. Дикие, противоестественные отношения. Словно ему плевать, выживет ли малец, но он ни за что не позволит ему умереть без своего личного присмотра.

В какой-то момент он резко повернул голову и посмотрел прямо на стекло — точно туда, где стоял я. По спине пробежал мороз. Разумеется, зеркало непроницаемо, и он не мог меня видеть. Он просто почувствовал чужой взгляд.

Потрясающие рефлексы. Будь моя воля, я бы с удовольствием препарировал его мозг.

Жаль, верхушка никогда не позволит пустить под нож столь ценное оружие.

3 августа

Заведующий отделением окончательно помешался на Номере 2222. Собственно, он пускал на него слюни с самого первого дня, как мальчишку привезли в комплекс.

В этом ребенке есть какая-то противоестественная, притягательная сила. Окружающие не могут отвести от него глаз. Этот эффект работает избирательно: обыватели просто считают его красивым, но люди с гнилым нутром, полные внутренних демонов, видят в нем единственный источник света в своем персональном аду. На волевых, сильных личностей или на законченных психопатов его аура не действует вовсе.

Наш шеф оказался из категории «слабых». Раньше он зубами вырывал у коллег гранты, власть и новые партии подопытных. Теперь же он добровольно вышел из этой гонки, вытребовав себе единоличный контроль над Номером 2222. Он буквально одержим им. Проводит за его препарированием сутки напролет.

Обычно он держит себя в руках и не опускается до бессмысленных садистских пыток — особенно накануне визитов старшего брата подопытного.

Но сегодня у него сорвало резьбу.

Шеф захотел во что бы то ни стало выжать из вечно безразличного Номера 2222 хоть какую-то эмоцию. Даже если для этого придется остановить его сердце навсегда.

Он хотел безраздельно обладать им.

По трагической случайности именно в этот момент в лабораторию без предупреждения вошел старший брат мальчишки.

Он застал заведующего с безумной, восторженной улыбкой на лице, заносящего скальпель для смертельного удара.

4 августа

Шеф исчез. Больше его никто не видел.

5 августа

Права на Номера 2222 передали новому куратору. Тот оказался парнем неглупым — держится от греха подальше, контакты ограничил сугубо протокольными тестами.

6 августа

Экспериментальный образец Номер 01 неплохо ладит со старшим братом нашего подопытного. Кажется, на этой почве она заинтересовалась и самим Номером 2222. Пыталась заговорить с ним вчера, но тот проигнорировал её, как и всех остальных. Мальчишка вообще реагирует только на голос своего брата. Когда они вдвоем, это выглядит жутко: ослепительное солнце и безмолвная тень позади него. Нормальный человек расшибся бы в лепешку, пытаясь выбраться из этого кокона, но Номер 2222... Кажется, только в присутствии брата он чувствует себя в безопасности. Я наблюдаю за ним слишком долго, чтобы ошибиться.

7 августа

Мне кажется, или Номер 2222 становится сильнее?

Сначала он был слабее любого среднестатистического ребенка. Хрупкое, болезненное существо. Теперь же его показатели растут вопреки всем законам биологии. Он без труда переносит нагрузки, которые должны были превратить его мозг в кашу.

8 августа

Нет, это не галлюцинация. Он действительно адаптируется.

Несмотря на низкий старт, скорость его качественных изменений пугает.

(Несколько страниц выдраны с мясом)

1 ноября

Проклятье, Номер 2222 сбежал. Никто до сих пор не понимает, как этот тихий заморыш ухитрился обойти трехуровневую систему охраны бункера.

Сегодня прибыл его брат. Он вернулся с задания, которое все считали билетом в один конец, и получил личное кодовое имя от Того Господина. В качестве награды он потребовал выдать ему Номера 2222, чтобы забрать из проекта насовсем.

Но забирать было уже некого.

Он опоздал. Мальчишка растворился в воздухе.

Его нет.

Он ушел.

(Следы вырванных листов. Далее почерк становится неровным, дерганым, чернила местами расплылись)

1 декабря

Номер 2222 исчез. Я до сих пор не могу в это поверить.

Прекрасный, пустой, впитывающий любые изменения, податливый Номер 2222.

Он так ни разу и не посмотрел на меня.

Но это не важно. Наступит день, и он вернется.

Эта лаборатория — лишь временный склеп. Рано или поздно её двери снова распахнутся.

Ему не сбежать от своей судьбы. Ни от стен этого бункера, ни от крови, что течет в наших жилах.

В тишине кабинета раздался протяжный, омерзительный скрежет — словно кто-то с силой провел ногтями по школьной доске. Дверная ручка медленно повернулась вниз, и тяжелое полотно приоткрылось.

На пороге возник Джин. Его лицо было абсолютно неподвижным, словно высеченным из серого камня.

У А-Эра мгновенно зашевелились волосы на затылке. Он даже не до конца понял, раздался ли этот пронзительный скрежет на самом деле или это взбунтовавшееся воображение забило тревогу в его собственной голове.

Но одно он знал твердо: пощады не будет.

<http://bllate.org/book/18335/1760487>